
ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.21
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

«Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространство и время?)

Н. К. Козлова

Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Аннотация

В статье проведен сравнительный анализ двух бытовых сказок, имеющих однотипные сюжетные эпизоды. Обе зафиксированы в Прииртышье и рассказаны от первого лица. Показано, что в тексте, записанном в 1951 г., сохраняется условность пространства, времени, а сам герой типичен для бытовой сказки как плут, ловкий человек. В сказке же, записанной автором статьи в 2000 г. от сказочника-импровизатора, проявляется одна из черт, обусловленная живым бытованием произведения: сказочник отказывается от условности и помещает традиционные сюжеты в плоскость реального пространства и приурочивает события к реальному времени Великой Отечественной войны.

Ключевые слова

сказка, пространство, время, условность и реальность, война

Для цитирования

Козлова Н. К. «Как я почту в войну носил...» (всегда ли условны сказочные пространства и время?) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 75–82. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

"How I carried the mail during the war..." (Are space and time in a fairy tale always unreal?)

N. K. Kozlova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

Abstract

Folklore studies generally consider time and space in everyday tales, unlike fairy tales, as non-fantastic but close to reality. At the same time, they are unreal, just as the main character. A comparative analysis of two texts was undertaken: handwritten notes of Stepan Nikiforovich Zhirnovsky (1951) and a tape recording of Pavel Platonovich Plotnikov (2000), both having plots of the same type and registered in the Irtysh region. The story of 1951 is of a standard type, with a typical everyday tale main character: an agile person, a rogue, taking advantage of any situation. His

© Н. К. Козлова, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

action takes place in a unreal time and space, despite the narrative being in the first person as a “true story.” When telling the story of 2000, the storyteller calls it a “tale”, but the listener is immersed in real space and time (real Siberian villages during the Great Patriotic War). The credibility is confirmed by introducing the names of the people who lived at that time. The hero of the first-person narrative is not a pattern but a real man involved in complicated, absurd, and cruel life situations (although these are typical tale plot episodes). The listener realizes the hero’s terrible deeds as committed not out of malice but by accident, feels sympathy, and believes in his experiences as if it was a story of a real person from the not-so-distant wartime years. All the credit goes to the narrator, who masterfully adapts the traditional tale story to real-life circumstances.

Keywords

fairy tale, space, time, unreality and reality, war

For citation

Kozlova N. K. “Kak ya pochtu v voynu nosil...” (vsegda li uslovny skazochnye prostranstvo i vremya?) [“How I carried the mail during the war...” (Are space and time in a fairy tale always unreal?)]. *Yazyki i fol’klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 75–82. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-75-82

Всем фольклористам знакомо хрестоматийное положение, касающееся специфики бытовой и новеллистической сказок о том, что их пространство и время приближены к реальным (в отличие от волшебной сказки), но в то же время они лишь условны. Вспомним строки из известной монографии Н. М. Ведерниковой: «Характеризуя художественное пространство бытовой сказки, мы должны говорить не о его фантастичности, а об условности. И эта условность становится средством типизации тех событий, которые будут переданы рассказчиком. То же самое может быть отмечено и в передаче времени в бытовой сказке. По сравнению с волшебной сказкой, оно психологически воспринимается как время, более близкое к реальному, и тем не менее оно так же условно, как и пространство. Недаром, сообщая место и время сказочных событий, исполнители сказок нередко называют соседнюю деревню, отсылают слушателей в Москву или Петербург, а себя выставляют действующим лицом» [Ведерникова, 1975, с. 92].

Однако это положение верно отнюдь не для всех бытовых сказок и, скорее всего, вытекает из анализа уже опубликованных текстов. Процессы живого бытования вследствие текучести и импровизационности фольклорного произведения (даже полностью традиционного по своим сюжетам, образам и т. п.) были гораздо богаче и не всегда укладывались в приготовленный исследователями шаблон. К сожалению, время живого бытования сказки безвозвратно ушло. Вместе с этим ушла и возможность наблюдать и анализировать процессы этого времени. Тем ценнее подаренные судьбой встречи фольклориста с талантливыми носителями традиции. Такой подарок я получила в 2000 г. во время экспедиции Омской региональной общественной организации «Центр славянских традиций» в Большеуковский район Омской области. Члены экспедиции познакомились со своеобразным 75-летним сказочником Павлом Платоновичем Плотниковым. От него в общей сложности было зафиксировано 37 сказок, а также анекдоты, небылицы, былички, поверья и бытовые рассказы. Сказки у него в основном «с картинками» или, как принято их называть, «соромные». Та, которую он мне рассказал, еще одна из самых «приличных» (Личный архив (далее – ЛА) Н. Козловой; полные сведения см. в списке «Архивные источники»). Пространство и время в ней функционируют совершенно иным образом, нежели так, как в утверждении Н. М. Ведерниковой. Чтобы это показать, сравним сказку П. П. Плотникова «Как я почту в войну носил» (расшифровка магнитофонной фиксации) с текстом из фольклорного архива Омского педагогического университета (далее – ФА ОмГПУ; полные сведения см. в списке «Архивные источники»), зафиксированным в 1951 г. участниками первой фольклорной экспедиции пединститута. Текст был записан Г. Амвросимовой, М. Коневой в д. Поспелово Большеуковского района Омской области от 66-летнего Степана Никифоровича Жирновского (запись «на карандаш»). Обе сказки используют традиционные сюжетные эпизоды, однотипные с теми, которые в «Сравнительном указателе сюжетов» [СУС, 1979] помещены под индексом 1680 в разделе: «О дураках»: «Муж (дурень) ищет повитуху: по ошибке убивает собаку, топит повитуху и убивает ребенка».

В обеих сказках рассказчики делают себя героями повествований. Интересно, что бытовые реалии каждого повествования – и Плотникова, и Жирновского – соответствуют своему времени: у Плотникова – это жизнь колхозных деревень периода Отечественной войны, у Жирновского – актуальное в конце XIX – начале XX в. хождение на богомолье по данному обету.

Но уже с самого начала, с установки на достоверность, сказки отличаются по своему характеру.

С. Н. Жирновский назвал свое повествование «Быль». Вот его начало:

«Жил я тогда с отцом. И вот заболел, отнялись ноги. Болел целый год. Надо было Богу молиться. Дал оброк Богу молиться в пещерах Киева. Пошёл в Киев, а отец денег мало дал, пятнадцать рублёв. Известно, деньги дороги были. Я пошёл на богомолье, одежоночка ничо себе, да и сам был крутенький, не то, что теперь. Правдами, неправдами, пришёл. Помолился Богу и потом пошёл оттуда, потому денег надо, чтобы жить в Киеве...» (ФА ОмГПУ).

«Быль» Жирновского уже с самого начала полностью соответствует доктрине об условности пространства и времени: мы не знаем точно, в какой деревне герой повествования жил с отцом, как он из Сибири дошел до Киева (единственное реальное место) и как «потом пошел оттуда». И вообще на этом правдоподобие рассказа кончается, так как далее следуют два сюжетных эпизода совершенно сказочные, алогичные по своей сути: сначала о том, как наш герой пострадал от ревнивого мужа женщины, к которой попросился на ночлег, о том, как ревнивец сбросил его в лужу, посчитав, что он мертвый. Лужа оказывается винной, и герой повествования засыпает в ней вместе с грачами, предварительно привязав их, сонных, к себе. Грачи, выпавшись, взлетают и поднимают его в небо: «<...> Полетели птицы-то, и я с ними. Вижу – высоко, испугался. Но парень-то я был смышлённый, выхватил нож да обрезал ремень, они и улетели. А я упал на землю. Зашибсяшибко, но жив остался. Отлежался да дальше пошёл <...>» (см.: СУС: раздел «Небылицы»: 1881=AA 1876*В «Журавли на веревке: мужик ловит журавлей, поит водкой и связывает; протрезвившись, журавли улетают и уносят с собой мужика»).

Такое продолжение, вопреки утверждению рассказчика, окончательно убеждает слушателя в том, что он слушает не «быль», а сказку.

П. П. Плотников, наоборот, называет повествование «сказкой», но оно начинается как бытовой рассказ с целым рядом бытовых реалий и подробностей: *«Така сказка была хороша. Это во время войны, мне лет 14, наверно, было. Я почта возил на конях с Викулово до дому¹. Кому-то привезу извешение, что мужик умер, кому спосбие привезу из Викулово-то. Бабы же меня ждуть. А потом, пока на конях-то ездил, кони не стали ходить. Я стал пешком ходить. Утром рано уйду, 25 километров в один край и обратно – полста километров выходило. Вот оттедова шёл, а меня пугали бабы молодые: “Тебя, гряд, карапиздица когда-нибудь задавит!” Я её никогда не видел – что за карапиздица? Вот чичас уже 75 лет, хоть бы поглядеть: каки у её там ноги, каки усы, каки глаза...»* (ЛАН. Козловой)².

Здесь и точное (а не условное) название деревни, уточнение, сколько километров почтальону приходилось преодолевать, и реальные (опять же, не условные) обстоятельства времени войны (ожидание почтальона, письма с фронта, извещения). Даже упоминание некоей «карап...ы» не выбивает эту часть повествования из реалистического ключа: мало ли как могли пугать подростка молодые бабы!

Не выбиваются из этого же ключа и следующие традиционные сказочные эпизоды: *«Вот шёл, и маленько затемнялось. Деревня Иковской³ есть. Я в эту деревню Иковской и зашёл. А почта, тяжёлла сумка, извешення таишу, да письма. Во время войны письма – трехугольнички таки были. Зашёл к одной, Марье. Марья здорова така. Зашёл к этой я Марье. Я грю: “Тётенька, пусти меня ночевать”. Она говорит: “Ой, сынок, ночевать-то, – грит, – ночуй. А вдруг ночью буду рожать, так ты за баушкой сбегашь – Дарья. Это переулоч такой, так в этом переулке Дарья-старуха живёт”. А это чё? В мае месяце, черёмуха-то цветёт, да так красиво, запах хороший... Я пришёл до этой Дарьи. Говрю: “Баушка, вот чё, вот чё – Марья рожает”. Она повитуха была. Раньше в больницу не возили – дома со старухами рожали. У меня старуха семерых родила. А дома – родит и всё».*

Ну, я пришёл. Она грит: “Знаешь, сыночек, я, – грит, – не могу: старая, болею – не могу идти пешком. Если ты меня понесёшь, я пойду”. А сам думаю: “Чё одному идти-то, карапиздицы боюся».

¹ Викулово – центр Викуловского района Тюменской области. Сам рассказчик – родом из д. Боково Березовского сельского совета Викуловского района. От Викулово до Боково – 20 км. (см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Боково_\(Тюменская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Боково_(Тюменская_область)) (дата обращения: 28.10.20)).

² Далее при цитировании сказок Жирновского и Плотникова сноски повторяются не будут.

³ Иковское – деревня Березовского сельского совета Викуловского района Тюменской области. От Иковского до Боково – 6 км (см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Иковское_\(Тюменская_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иковское_(Тюменская_область)) (дата обращения: 28.10.20)).

Она хоть на меня, думаю, сядет верхом, вот так ноги свешат”. Ага. Колодец был. Видали, может, журавель такой, воду берут. Колодец был. Я говорю: “Ну, садись, баушка”. Там сзади прыгала, прыгала на меня по земле-то – ну, не может запрыгнуть. Ну, тожса, может, лет восемьдесят. А я – лет 14, падсан-то швыдкой был. Она говорит: “Айда, – говорит, – сынок, вон в ограде колодец. Я на колодец встану так, рашиаперюсь. Ты, – grit, – ко мне подпятисся, я на тебя сяду верхом”. И вот я к ей пячусь. Как раз доши был. У колодца-то налипло, грязь. Лапти, в лаптях я ходил. Верёвка развязалась у лаптя-то. Ну, и наступил, видно, на эту верёвку. Запнулся да полетел и Дарью эту сишиб. Ну. За ногу, видно, где-то зацепил и сишиб её в колодец. Она только сбулькала. Ага. Я говорю: “Бабушка, держись”. Этот журавель-то спускаю с крючком – вёдра вешали. А она чё? Пока в воде – я её легко тяну. А из воды, она, старуха, може, килограмм восемьдесят весом, здорова старуха, ядрёна. И час мне бы её не вытянуть, чё – калека-то. А в колодце потаскал-потаскал её, нырял-нырял, и она так и захлебнулась. Когда пришёл к Марье-то. А Марья чё: “А чё бабушка-то не пришла?” А бабушка-то мне сказала: “Я, – grit, – знаю, Марья-то должна вот-вот родить”, – раз повитуха, раньше ходила же. “Ага, должна, – grit, – скоро родить, срок-то ведь, видишь”. Я говорю: “Знаешь, она заболела, не идёт”, – наврал...»

А теперь посмотрим, как в сказке С. Н. Жирновского поданы эти эпизоды: «Иду, вижу – село. А дело опять к вечеру идёт. Темно стало. Вижу, в крайней хате свет горит. Стучу. “Кто там такой?” – спрашивает меня женищина. “Я странник, тёленька, пусти переночевать”. – “Не пуцу. Поздно, ба-тюшка мой, поздно”. – “Пусти, ведь я же русский человек”. – “Не могу. У меня детки малые, мужа нет, на службе царской, а сама-то я беременна. В эту ночь, чую, родить должна. Уж если не моргуе-те⁴, то пуцу”. Зашёл, изба ладная, печь топится, робятки спят уже. Она дала мне стакан чаю да кусочек хлеба. Выпил – и залез на печку. Тут её на муки стало брать. Известно, дело женское. Она и говорит: “Молодец, сослужите мне службу, сходите за баушкой, той, что за речкой живёт. Возьмите саночки, она больно старенька. Только постукайся, она и выйдет. Я с ней договорилась, что, кто ни придёт, она сразу же пойдёт ко мне”. А я пригрелся, итти неохота: “Тёленька, да куда же я пойду?” А она просит: “Сходи. У меня договорённость с ней”. Взял я саночки да и пошёл. На горочке вижу: изба маленька стоит. Постучал, баушка вышла, горбатенька. Посадил я её на саночки. Да везти-та её боюсь. Древняя она больно. А на реке-то пролубь была – бабы бельё в ней полоскали. Баушка взялась за саночки, мы и поехали. Слышу, что-то сбулькинуло. Оглянулся я, а баушки на саночках-то нет. Втонула баушка. Я оробел. Думаю: “Что же я буду делать-то?” Постоял, да делать-то нечего. Захожу в избу, а ей Бог дал ребёночка. Я и говорю ей: “Не нашёл, тёленька, я баушку”. А она уже всё сама сделала, убрала ребёночка, и надо в избе убрать. А я замёрз и полез на печь...»

Мы видим, что эти эпизоды сказок однотипны. Рассказчики по-своему расцвечивают и разрабатывают отдельные детали. У Жирновского опять же условно место действия: «иду, вижу – село», подробно разработан эпизод разговора героя сказки с хозяйкой, к которой он просится на ночлег. Интересна здесь и условность времени действия: муж хозяйки находится на царской службе.

У Плотникова действие происходит в соседней реальной деревне – Иковское. Так как почтальон – лицо известное, то у героя сказки не было особых проблем попроситься на ночлег. Время года в сказках разное: у Жирновского – зима, у Плотникова – весна, цветет черемуха. Эпизод потопления повитухи у Жирновского очень лаконичен: повез ее на саночках мимо проруби, она туда и «сбулькинула». А Плотников подробно разработал этот эпизод, он мотивирует свое поведение: из-за страха перед «карап...цей» соглашается понести бабушку на себе, а из-за весенней грязи наступает на завязку от лаптя и, поскользнувшись, сшибает бабушку в колодец, откуда безуспешно пытается ее выловить.

Жирновский лаконичен и в эпизоде случайного убийства ребенка:

«А ребёночка-то женищина положила в куток на подушку и велела смотреть от кота. А он большой-большой. Я пригрелся да задремал. Вдруг слышу: “Мяу, мяу”. Я схватил скалку (бабы ей сочни катают), бросил ею в кота, а попал в ребёночка, он только ахнул. И убил я его <...>».

Плотников же сначала подробно описывает процесс перекусывания им пуповины, что опять же подчеркивает реалистичность происходящего: «Она grit: “Знаешь, сынок. Я рожала, маялася”. Родила парнишка, килограмм, наверно, 6-7 был – здоровый! Вот у меня внук, у Юрки – 8 килограмм ро-

⁴ Морговать – брезговать.

дился. Ага. Она grit: “Я рожала да маялась, – говорит, – пуповину надо жа перевязать, пуповину”. Это вот пуп-та. Он жа длинный бывает, он жа питаётся, человек-та. Ага. Дала мне ниток шерстяных – вот чулки вяжут – шерстяны нитки. Ни ножик, ни ножницы не нашла. Я пуповину-то завязал парнишку-та. А ни ножницев, ничё нет – зубами отгрыз эту пуповину. Нитку-то, нитку, а это тело-то. Пуповину отгрыз. Ага...»

А свое случайное злодеяние мотивирует усталостью и тем, что задремал: «Она говорит: “Видишь, сынок, я рожала да маялась, пока ты бегал. Ты покарауль ребёнка, чтобы кот не съел”. Кот серай, здоро-о-вай! У меня тут кошки. А там кот серай. Здоро-о-вай, так и глядит на этого парнишку-та. Она мне дала пестик в руки – раньша соль в ступе толкли, такой железный. И ступа железна – бронзова, соль толкли. Опеленала его этой мешковиной – в колхозе ukrала, пелёнок-то не было. Это чичас пелёнки – приданое. Чтоб всё было у ребёнка. Ну, мешковину порвала, постирала, завернула этого ребёнка. “На, – говорит, – карауль, чтобы кот не съел”. Ну, на стол положила его, а сама залезла на печку спать-отдыхать. А я тоже на стол облокотился и тоже во сне-то вижу, будто кот ест ребенка. А парнишка тоже, может, исть захотел – губами чавкат – сосать ему надо. А мне показалось, что кот ребенка ест. Хлоп – вместо кота-то ребёнка убил!»

Интересна здесь еще одна реальная деталь – бедность людей в военное время: женщина вынуждена была украсть мешковину в колхозе (!), чтобы спеленать ребенка.

После этих нелепых, случайных, но жестоких по своей сути поступков герои обеих сказок бегут с места происшествия:

У Плотникова: «Чё мне делать? Надо бежать куды-нибудь. Ага. Побежал, сумку свою сгрёб почтову-то. А она спит, не знат, эта женищина, что ребёнка-то убил. Знат, что это я сказался, что боковский почтальон⁵. Зашёл к одним во хлев...»

У Жирновского: «Бросился я бежать-то. День бегу, второй бегу. Одну деревню пробежал, вторую, третью. Кода в третью-то прибежал, была ночь. Надо поить, поспать. На задах стояла баня, зашёл я в неё да и лёг спать. Утром-то зашёл к одной баушке да спросил, не слышно чего такого. Думаю, нет ли догона⁶, али чего ишишо. “Нет, – гварит, – не слышать ничо”.

Пошёл я в домашнюю сторону. Обносился, денег нет ни гроша. Скушно и горько на душе-то. Зашел в одно большое село. Там даже церковь своя и священник был. Решил в работники пойти, потому что гроши надо. Посоветовали мне к священнику пойтить, дескать, ему работник нужен <...>».

Если у Плотникова герой сказки остается в пределах той же деревни Иковской, то у Жирновского, в соответствии с условностью места и времени, он пробегает несколько сел и устраивается в работники к попу, что традиционно для бытовых сказок типа «поп и работник». Далее сказочник очень органично включает в свое повествование традиционные сюжеты о «стельном» попе (СУС: раздел «О попах»: 1739 «Как поп (ксендз, раввин, купец) телился: больной поп посылает врачу мочу; работник подменяет ее мочой коровы; поп думает, что будет телиться; принимает чужого теленка за своего»); «отрубленные ноги» (СУС: раздел «О хитрых и ловких людях»: 1537*= AA *1537 I «отрубленные ноги»: солдат отрубает у найденного им мертвеца ноги, ночует у богатого мужика, утром потихоньку уходит, оставив ноги; товарищ солдата обвиняет хозяев в убийстве и получает с них отступное»).

Как и положено ловкому человеку бытовой сказки, герой повествования Жирновского извлекает выгоду из всех ситуаций. Получает он деньги и с любопытной «матушки» за то, что рассказал ей об их приключениях. В результате разживается большой суммой денег, на которые не только благополучно возвращается домой, но и покупает всем родным подарки: «Она дала мне ишишо триста рублёв да и отпустила с миром меня домой. Ишишо на дорогу всево дала. Приехал я домой, денег у меня много. Купил я всем обнов – сёстрам, братьям, отцу, матери. И жить стал хорошо, не то, что теперь. Вот и вся быль, не забудьте записать. Всё это была истинна правда».

Несмотря на очередное уверение рассказчика в истинности своего повествования, слушатели уже давно не сомневаются в его сказочности. Еще раз отметим условность места и времени, типичность самого героя и его поступков, традиционность сказочных сюжетов разных типов, которые рассказчик

⁵ См. сноску 1.

⁶ Догон – погоня.

контаминировал в единое повествование. Окончание также типично для бытовой сказки: ловкий человек, благодаря своим уму и сметливости, превращается из бедняка в обеспеченного человека.

А что же герой сказки П. П. Плотникова? Рассказчик вставляет новый виток его злоключений: спрятавшись в хлеву в той же деревне Иковской, он опять совершает нелепый, непреднамеренный, но жестокий поступок: *«Зашёл к одним во хлев. Хлевы есть здесь-таки вот. У меня вон хлев. В хлев зашёл. Вот слышу – коло колена кто-то вот так вот: “Пых, пых, пых”. Думаю: “Чё это? Наверно, меня карапиздица шишет, задавит, наверно”. Я взад пятки пячусь, он всё ко мне ближе да ближе. Это корова, видно, отелилася и телёнок... Взад пятки пячусь. Пячусь... А раньше рубахи... это чичас утюгом гладят. А тогда рубчеватый такой утюг, палка кругла. Вот на палку наматывают рубаху или штаны и катают: дрын-дрын, дрын-дрын. Назад стал пятиться, пятиться, нашишупал этот валец-то. А тот коло колена так: “Пых-пых, пых-пых”. Думаю: “Чичас меня карапиздица поймат и задавит”. Я тада разворачиваюсь и вальком-то хлоп его по лбу. Он только: “Мя!” И убил. А чё – телёнок только родился, два дня, может, чё ему, много надо, что ли... Поглядел – телёнка-то убил. Думаю: “О! И тут делов-то натворил: старуху утопил, ребёнка убил, телёнка убил”. И побежал в конец деревни...»*

И опять красной нитью через эпизод проходит та самая «карап...а», которую он боится и из-за страха перед которой убил ни в чем не повинного новорожденного теленка. Следующий эпизод грубо-анекдотического плана вообще переводит слушателя в реальную плоскость:

«Там Дударев такой жил, хромой, без ноги. У его закат такой был, дёрном крытый. А там у его оглобли были всяки, туды-сюды. Я на оглобли-то залез, а дырку в домашню сторону прогрыз, проделал, чтоб убежать утром, как засветает. Лёнька Федотов, он, поди, и счас ешиш живой, ну, может быть, мои годы, Настю-то привёл туда и давай Настю обихаживать. Ну, вроде как насиловать. Она же не даётся: “Лёничка, да миленькой. Вот ведь война началась. Вдруг какой грех случится – я рожу от тебя, а кто будет кормить?” А он говорит: “А кто выше нас сидит, тот будет кормить”. Он откуда знал, что я там сижу-то. Я заматерился: “Ох, ... твою мать, вы будете и..., а я буду ребёнка вашего кормить!” Как загремел этими бастригами да оглоблями. Они как соскочат да бежать. Думали: правда, чёрт там сидел. А я скорей в дырочку, где выгребено было...»

Несмотря на анекдотический характер эпизода и его традиционность (см.: СУС: 1355С «Солдат на стогу сена вместо Бога»), он насквозь пронизан реалистическими деталями (совсем не условными). Здесь и настоящие деревенские жители: хромой Дударев, хозяин *заката* с бастригами да оглоблями, где прячется герой повествования, Лёнька Федотов (который *«поди, и счас ешиш живой»*) и его Настя. Реален и эпизод об отношениях между молодыми людьми: девушка опасается, что Лёньку могут забрать на войну, а она останется с ребенком.

В реальном ключе рассказан и заключительный эпизод «сказки», с точной датой – 1943 г., когда якобы произошли все эти события:

«Пришёл с почтой-то домой, раздал это всё дело – письма да газеты... Вот ему шашнадцать лет (о зашедшем в этот момент своем внуке. – Н. К.), такой я и был, видимо. Ага. Пришёл, а начальник-то почты меня ешиш два раза ударил по шишаке: “А чё ты раньше, вчерась, не мог прийти? Бабы – кто извешение, кто письмо ждёт, кто чё ждёт”. А я говорю: “Знаешь чё, дядя Ваня. Пошёл ты к едрёне матери с этой почтой, носи ты её сам”. Взял и ушёл. В военкомат пошёл. Это в 43-м году было...»

А после этого к сказке привязан бытовой рассказ о совершенно реальных событиях времени Великой Отечественной войны: *«В военкомат пошёл. А уже я на призыве был. Вот-вот бы загремел. Я говорю: “Возьмите меня в армию” Они: “А чё? Вот скоро будем призывать и возьмём”.*

Вот в Омске-то знаете клуб Лобкова? Вот в этот клуб Лобкова собирали нас с Красноярского края, с Абакана собирали, с Иркутска собирали, из Тюмени собирали, с Новосибирска – ну, со всех краёв нас, пиздоболов, наберут со всех краёв. Там по списку. Мы комиссию прошли – здоровые. Вот ночью выстроят по списку, всех называют. Потом вызовут, выстроят всех, называют. Потом: “По вагонам!” – кричат. А мы всё остаёмся и остаёмся, вишивики таки. А чё, во мне было 50 кг весу, два сантиметра росту не хватало – это уж не брали в армию. И ноги, вот эти подошвы – плоскостопие, выемки нету. Ну, они меня тады забрали, увезли в Улан-Удэ. Вот внук ездил... в Монголии-то служил, в Японии, бурят охранял в 45-м году. Война была, японцы же зашли сюда, в Улан-Уде, вот я их охранял-то <...>». В середине этого бытового рассказа я, посчитав, что сказка-то закончилась, незаметно выключила магнитофон (место на кассетах тогда берегли). Рассказчик тут же заметил мое рассеянное

внимание и хитро спросил: «Что, неинтересно?». – «Что Вы, что Вы! Интересно», – постаралась реабилитироваться я и включила технику. И Павел Платонович после пространный рассказ о бурятах, особенностях их быта, о паровозоремонтном заводе и т. п., что я даже не стала после до конца расшифровывать, вернулся вдруг к сказочному содержанию: «Когда в 47-м году пришёл со службы, одна баба всё искала, как я ребёнка убил да бабу утопил». Вот такая получилась «кольцевая» композиция.

Итак, обе сказки рассказаны от первого лица. Но это «первое лицо» совершенно разное в анализируемых сказках. В сказке С. Н. Жирновского (1951) повествование от первого лица является своеобразным приемом, которым пользовались многие сказочники. Скорее всего, он применялся для достижения большей выразительности сказки, эффекта неожиданности, когда слушатель сначала воспринимает сказку как правдоподобное повествование, как быль, и только позже понимает, что сказочник смеется над ним и рассказывает небылицу. Герой Жирновского – сказочный плут. В тех сюжетных эпизодах, которые являются общими для обеих сказок, он действует по традиционной схеме и просто оказывается заложником создавшихся ситуаций. Бежит от ответственности за содеянное. Зато в дальнейшем разворачивании событий он становится типичным ловким человеком, который из всех положений извлекает выгоду для себя и достигает желаемого – разживается деньгами и уже богатым возвращается в родное селение. Типичный сказочный герой, как уже было сказано выше, действует здесь в условных времени и пространстве.

П. П. Плотников в своей сказке (2000) пользуется тем же приемом и с той же целью. Но его герой – совершенно иного типа. Перед нами не схематичный характер, а живой человек. Мы верим, что это подросток 14–16-ти лет – «падсан швыдкой». Для наглядности рассказчик сравнивает себя того времени с зашедшим во время исполнения сказки в дом внуком. Он мотивирует каждый поступок. Мы чувствуем, как ему физически тяжело носить почтовую сумку с письмами и извещениями, но он исправно и добросовестно делает свое дело, ведь женщины деревни очень ждут почтальона с его корреспонденцией с фронта. Даже убегая после совершенного нечаянно в доме Дарьи преступления, он не забывает утащить с собой тяжелую сумку с фронтовыми письмами и извещениями. Верим, что над мальчишкой могли подшутить молодые бабы, напугав его некоей «карап...й», потому он ночью и боится оставаться на улице. Вместе с героем переживаем, когда он пытается вытащить повитуху, упавшую в колодезь, сочувствуем, когда он, уставший от всего пережитого, засыпает рядом с ребенком, за которым должен был следить. Слушатель не столько ужасается содеянному нашим героем, сколько сочувствует незадачливому подростку, попавшему в сложную ситуацию. Жаль слушателю и убитого теленочка, но мы соглашаемся с психологической оправданностью поступка: испугался, так как думал, что это та самая «карап...а». Прибежав утром в родную деревню, герой П. П. Плотникова опять же поступает как реальный человек в реальных обстоятельствах: у него и так на душе кошки скребут за то, что он непроизвольно натворил, а здесь еще получает нагоняй от начальника почты. Поэтому в сердцах отдает ему сумку и идет в военкомат. Таким образом, перед нами совсем иной тип героя, нежели ловкий человек (или незадачливый простака) бытовой сказки. Перед нами действительно живой человек не столь далекого от нас военного времени. И действует он не в условных, а в реальных пространстве и времени. И в этом – целиком заслуга рассказчика, так мастерски сумевшего адаптировать традиционный сказочный сюжет к реальным обстоятельствам, используя при этом прием сказывания от первого лица. Талантливый сказочник-балагур и импровизатор П. П. Плотников не себя поместил в условность сюжетных обстоятельств бытовой сказки, а, наоборот, перенес традиционные сказочные сюжеты в плоскость реальных пространства и времени.

Архивные источники

ЛК Н. Козловой – Личный архив Н. Козловой, СС-8.2000г, № 1, АК-1Б, № 34.

ФА ОмГПУ – Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета, ЭК-5/51, № 1.

Список литературы

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 136 с. (Из истории мировой культуры).
СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / АН СССР, Отд-ние лит. и яз., Науч. совет по фольклору, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.

List of sources

Lichnyy arkhiv N. Kozlovoy [Personal archive of N. Kozlova]. SS-8.2000, no. 1, АК-1В, no. 34.
Fol'klornyy arkhiv Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Folklore archive of the Omsk State Pedagogical University]. ЕК-5/51, no. 1.

References

Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavlyanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. AN SSSR, Otd. lit. i yaz., Nauch. sovet po fol'kloru, In-t etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya; L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (Comps.). Leningrad, Nauka, 1979. 437 p.
Vedernikova N. M. Russkaya narodnaya skazka [Russian folk tale]. Moscow, Nauka, 1975. 136 p. (Iz istorii mirovoy kul'tury [From the history of world culture]).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
18.08.2021

Сведения об авторе

Козлова Наталья Константиновна – доктор филологических наук, доцент, профессор Омского государственного педагогического университета (Омск, Россия)
E-mail: nkf@rambler.ru
ORCID 0000-0002-0395-5000

Information about the Author

Natalia K. Kozlova – Doctor of Philology, Docent, Professor, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation)
E-mail: nkf@rambler.ru
ORCID 0000-0002-0395-5000